

Я. Л. Левкович
ЖЕНА ПОЭТА

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец. —
(III, 224)

так писал Пушкин о своей будущей жене 8 июля 1830 г., за семь месяцев до свадьбы. А на смертном одре, через несколько часов после дуэли, сказал о ней доктору И. Т. Спасскому: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском»¹.

Между этими двумя высказываниями прошло шесть с половиной лет семейной жизни, молодая жена поэта стала матерью его четырех детей, хозяйкой дома и одновременно — «первой

¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 336.

романтической красавицей» Петербурга, а потом «во мнении людском» явилась виновницей его смерти. Будущее «мнение людское» настолько волновало поэта, что он думал о нем все те мучительные часы, которые довелось ему прожить после дуэли. Тогда же Спасского он просил: «Пожалуйста, не давайте больших надежд жене, не скрывайте от нее, в чем дело, она не притворщица; вы ее хорошо знаете; она должна все знать»². Чем была вызвана эта просьба? Поэт знал, что ранен смертельно (ему сказали об этом доктора), знал, что в доме будут посторонние люди (врачи, друзья) и что внешнее спокойствие жены, вызванное ложной надеждой на его выздоровление, может быть истолковано как равнодушие.

Ближайшие друзья Пушкина понимали, что, говоря о жене Спасскому: «Она (<...> безвинно терпит», Пушкин пытался повлиять на будущее общественное мнение, на толки и пересуды, которые несомненно последуют за его смертью, когда он уже не сможет вступить за честь жены. В. А. Жуковский в своих «конспективных заметках», которые он вел, начиная с 4 ноября, когда стали распространяться анонимные письма, записал: «Спасский. О жене и Грече»³ (в это время скончался сын Н. И. Греча, и Пушкин просил Жуковского выразить своему недавнему врагу по литературным делам соболезнование). Слова, сказанные поэтом Спасскому, Жуковский привел в письме к отцу поэта С. Л. Пушкину. Письмо было рассчитано на распространение в списках. В эти же дни, когда весть о смерти поэта дошла до Москвы, состоялся у П. В. Нащокина записанный Н. И. Куликовым разговор о Наталье Николаевне. Известный актер М. С. Щепкин намекнул на то, что во всей этой несчастной истории многие обвиняют жену поэта. Нащокин резко ответил: «Знаю! Из Петербурга пишут о том же! Клянусь всем, что самая низкая и подлая клевета! Наталья Николаевна молода, легкомысленна, но она любит мужа, никогда не изменяла и не изменит, — за это я головой моей ручаюсь!»⁴

Пушкин был прав — сплетни и пересуды не обошли Н. Н. Пушкину ни при жизни, ни после смерти — в воспоминаниях современников, а потом в трудах исследователей и писателей.

Но прежде чем коснуться этих пересудов, вернемся от предсмертных дней Пушкина, от последних слов о жене к его семейной жизни. Какой виделась Н. Н. Пушкина современникам? Вот некоторые из их суждений.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 341.

⁴ Рус. старина. 1881. № 8. С. 618.

С. Д. Киселев: «Пушкин женится на Гончаровой; между нами сказать, на бездушной красавице»⁵.

В. И. Туманский: «Пушкин (...) познакомил меня с своею пригожею женою. Не воображайте, однако ж, чтобы это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина — беленькая, чистенькая девочка с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна...»⁶

О. С. Павлищева: «Они очень довольны друг другом, моя невестка совершенно очаровательна, хорошенькая, красивая и остроумная, а со всем тем добродушная»⁷.

Н. О. Пушкина: «Сообщи тебе новость, император и императрица встретили Наташу с Александром, они остановились поговорить с ними, и императрица сказала Наташе, что она очень рада с нею познакомиться и тысячу других милых и любезных вещей. И вот она теперь принуждена, совсем этого не желая, появиться при дворе»⁸.

В. А. Жуковский: «Женка Пушкина очень милое творение. C'est le mot. И он с нею весьма мне нравится. Я более и более за него радуюсь, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше»⁹.

Д. Ф. Фикельмон: «Я видела ее (Н. Н. Пушкину) у маменьки — это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая, — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, — глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, — взгляд не то чтобы косящий, но неопределенный, тонкие черты, красивые черные волосы». «Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания. Сейчас ей все улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется и весь облик как будто говорит: „Я страдаю“. Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу — быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин»¹⁰.

⁵ [Приписка С. Д. Киселева в письме Пушкина к Н. С. Алексееву от 26 декабря 1830 г.] (XIV, 136).

⁶ Письмо к С. Г. Туманской от 16 марта 1831 г. // *Туманский В. И. Стихотворения и письма* / Под ред. С. Н. Браиловского. СПб., 1912. С. 310.

⁷ Письмо к Н. И. Павлищеву от 4 июня 1831 г. // *Литературное наследство*. М., 1934. Т. 16—18. С. 777.

⁸ Письмо к О. С. Павлищевой от 25—26 июля 1831 г. // Там же. С. 779.

⁹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 255—256.

¹⁰ Записи в дневнике от 21 мая и 12 ноября 1831 г. // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 140, 141.

Так кто же была Н. Н. Пушкина — «бездушная красавица», «грязетка» с замашками московской провинциальной барышни или поэтическая красавица со знаком будущего страдания на челе?

Как видим, противоречивость ее репутации возникла еще при жизни поэта. И нередко разногласия в оценках являлись следствием разницы характеров, настроений или пристрастий тех, кто письменно засвидетельствовал свое впечатление о ней. Можно заметить, что отзывы приятелей Пушкина С. Д. Киселева и В. И. Туманского явно поверхностные: первый увидел Натали Гончарову, когда ее только начали вывозить в свет, второй видел ее только однажды. Отзыв Д. Ф. Фикельмон, жены австрийского посланника, одной из первых петербургских красавиц, пророческий, отзыв Жуковского отеческий, пристальный. Постоянный хлопотун и заступник за Пушкина, человек с чутким сердцем, он, наверное, с особым вниманием присматривался к жене своего «победителя-ученика» и относился к ней с явным сочувствием. Мы знаем, что в тяжкие преддуэльные дни, когда сплетни опутывали поэта и его жену, Наталья Николаевна обращалась к нему за советами¹¹.

Вчитываясь в эти столь разноречивые мнения, следует помнить часто цитируемые слова Пушкина в одном из писем к жене: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, <ч>то с твоим лицом ничего сравнить нельзя н<а све>те — а душу твою люблю я еще более твоего лица» (письмо от 21 августа 1833 г. — XV, 73).

«Мнение людское», закружившись вокруг невесты и жены поэта сразу, как только она связала с ним свою судьбу, потом судило ее с первых же дней после его смерти. Зорко следили за ней в доме, казалось бы, близких друзей — Карамзиных. Им казалось, что вдова поэта слишком быстро успокоилась и занялась повседневными делами. А Наталья Николаевна готовилась к отъезду в деревню с детьми и сестрой Александриной, выполняющей волю покойного мужа. «Вчера вечером, мой друг, я проводжала Натали Пушкину, — пишет брату Андрею С. Н. Карамзина. — <...> Бедная женщина! Но вчера она подлила воды в мое вино — она уже не была достаточно печальной, слишком много занималась укладкой и не казалась особенно огорченной, прощаясь с Жуковским, Данзасом и Далем — с тремя ангелами-хранителями, которые окружали смертный одр ее мужа и так много сделали, чтобы облегчить его последние минуты; она была рада, что уезжает, это естественно; но было бы естествен-

¹¹ См.: *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году: Предыстория последней дуэли Л., 1989. С. 144—146.

ным также выказать раздирающее душу волнение — и ничего подобного, даже меньше грусти, чем до сих пор»¹². Софья Николаевна хотела видеть зрелищное горе. В следующем письме она, вспоминая последнюю встречу с Натальей Николаевной, пишет, что та должна была бы «умереть или сойти с ума» под «ужасом отчаяния»¹³. Ей как будто невдомек, что для вдовы поэта начиналась новая полоса жизни. Она возвращалась в Полотняный Завод, но это был уже не тот Завод, где она провела детство, — там появилась новая хозяйка — жена брата Дмитрия, а сама она, уже теперь без мужа, должна была отвечать за будущее своих четырех детей.

Между тем поток злоречия обрушился на Наталью Николаевну. Это были не только салонные сплетни, но и стихотворная публицистика, возникшая сразу после смерти Пушкина. Так, например, В. Макаров восклицал:

Друзья, я видел труп холодный
 Певца возвышенных речей,
 И слышал я в толпе народной
 Язык коварства и страстей.
 Один бессмысленно взирает
 На труп великого певца,
 Другой, безумец, осуждает
 И говорит: она, она
 Всему вина.
 Я думал: о, язык коварный,
 Ты никого не пощадишь,
 О, человек неблагодарный,
 Не знаешь ты, пред кем стоишь.

В одном из ходивших по рукам стихотворений — «На Н. Н. Пушкину» — читаем:

Не смыть ей горькими слезами
 С себя пятна,
 Не отмолиться ей мольбами:
 Жалка она¹⁴.

Позднее вдову поэта стали обличать и в исследовательской литературе. Поток злоречия делился как бы на два русла. Одни обвиняли Н. Н. Пушкину в ограниченности и равнодушии к мужу. Другие видели в ней только виновницу его смерти. И в этой связи довольно скоро всплывает имя царя. В современ-

¹² Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.: Л., 1960. С. 178 (подлинник по-французски; далее письма Карамзиных и Н. Н. Пушкиной также даются в переводе).

¹³ Там же. С. 188.

¹⁴ Приведенные стихи цитирую по хранящейся в Институте русской литературы РАН рукописи П. Е. Рейнбота «Письма Пушкина к жене».

ной исследовательской литературе бытует мнение, что «и при дворе, и в свете, и в кругу друзей Пушкина появление анонимных писем связывали только с именем Дантеса»¹⁵. Позволим себе с этим не согласиться. Роль Николая I в дуэльной истории относится тоже к числу легенд, которыми опутаны обстоятельства дуэли. Мало кому из знатоков биографии Пушкина не известно содержание анонимного пасквиля. И все же обратимся к нему еще раз. Пасквиль, который возводил Пушкина в сан историографа Ордена рогоносцев, был подписан именами двух знаменитых рогоносцев — Д. Л. Нарышкина и И. М. Борха. Имена говорили сами за себя. Нарышкин — муж многолетней любовницы Александра I, Борх — педераст, глава «образцовой», по иронической характеристике Пушкина, семьи, где «жена живет с кучером»¹⁶ Пушкин понял, что составители пасквиля прочат ему судьбу «рогоносца величавого» Нарышкина, который, по свидетельству современников, получал от Александра I крупные денежные суммы. Иначе трудно объяснить, почему поэт 6 ноября, т. е. через два дня после получения пасквиля, отправил министру финансов Е. Ф. Канкрину письмо, в котором писал, что желает свой долг казне уплатить незамедлительно и просит Канкрин в уплату долга принять отписанное ему отцом сельцо Кистенево с 220 душами. Поэт рисковал будущим благополучием своих детей, но с казной хотел расплатиться «сполна» и как можно скорее.

Не один Пушкин понял пасквиль, как намек на повышенное и замеченное в обществе внимание самодержца к своей жене. До нас дошли устные рассказы В. Соллогуба, относящиеся к дуэльной истории. Один из них записал горячий поклонник поэта Н. И. Иваницкий: «В последний год своей жизни Пушкин решительно искал смерти. Тут была какая-то психологическая задача. Причины никто не мог знать, потому что Пушкин был окружен шпионами: каждое слово его, сказанное в кабинете самому искреннему другу, было известно правительству. Стало быть, что тайлось в душе его, известно только Богу. <...> Разумеется, обвинения в связи с дуэлью пали на жену Пушкина, что будто бы была она в связях с Дантесом. Но Соллогуб уверяет, что это сущий вздор. <...> Подозревают другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной при дворе, так думают, что не было ли у ней связей с царем. Из этого понятно будет, почему Пушкин искал смерти и бросался на всякого встречного и поперечного. Для души поэта не оставалось ничего, кроме смерти»¹⁷.

¹⁵ *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. С. 114.

¹⁶ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. 4-е изд. М., 1987. С. 378.

¹⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 482.

Иваницкий путает, когда пишет, что Н. Н. Пушкина была фрейлиной (ему, как и другим, были известны серальные привычки Николая I), но это не меняет основного смысла рассказа Соллогуба. Соллогубу было ясно скрытое содержание пасквиля, намекавшего не на Дантеса, а на царя. Письмо к Канкрину свидетельствует, что так понял пасквиль и сам поэт.

На создание легенды об интимных отношениях Н. Н. Пушкиной и царя повлияли и воспоминания ее дочери от второго брака (с П. П. Ланским) А. П. Араповой. Сквозь мемуары Араповой проходит культ Николая I. Царь был ее крестным отцом, а в подтексте сквозит намек, что отцовство было кровным. Значит ли это, что дочь Натальи Николаевны чернит свою мать? Нет, мы знаем, что царь часто пользовался правом первой ночи, когда фрейлины его жены выходили замуж, и не пренебрегал замужними женщинами. Француз Галле де Кюльтюр, долго живший в России и знавший привычки самодержца, с удивлением отмечает, что «нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекли прибыли от своего бесчестья». Когда он спросил одну из светских дам, как бы отнесся ее муж, если бы на нее пал выбор царя, она сказала: «Мой муж никогда не простил бы мне, если бы я ответила отказом»¹⁸. Не таков был Пушкин — поэтому так часты в его письмах к жене просьбы-предупреждения: «не кокетничай с ц[арем]» (XV, 87). В жене он был уверен, не уверен был в царе и, конечно, не хотел, чтобы у того возникла возможность сделать нескромное предложение его жене. Он был не из тех мужей, которые искали бы «прибыли» от своего бесчестия. Не такой была и сама Наталья Николаевна. Она, конечно, была увлечена Дантесом. Об этом свидетельствуют и письма Карамзиных, и два письма Дантеса своему «приемному отцу» Геккерну от начала 1836 г. Из них ясно, что между Дантесом и одной замужней светской красавицей (имя ее не называется, но из контекста ясно, что речь идет о Пушкиной) произошло объяснение во взаимных чувствах. Дама решительно отвергла притязания Дантеса, подчеркнув, что супружеская верность для нее — святыня. Она ответила ему, как Татьяна Ларина, отказом, поставив долг выше чувства.

Легенда о связи с царем подкреплена и эпизодами позднейшей жизни вдовы Пушкина. Выполняя предсмертную волю поэта, она на два года уехала к брату в Полотняный Завод. Вернувшись в Петербург в январе 1839 г., жила вдаль от света, встречаясь только с друзьями покойного мужа. Арапова рассказывает, как в канун Рождества 1841 г. Наталья Николаевна, вы-

¹⁸ Вересаев В. Спутники Пушкина. Л., 1937. Т. 1. С. 427.

бирая в английском магазине подарки своим детям, неожиданно встретила с царем. Царь изволил с ней милостиво разговаривать, а потом выразил тетке ее Е. И. Загряжской пожелание, чтобы Наталья Николаевна, как и в прежние времена, украшала своим присутствием царские балы.

Так начался второй виток светской карьеры Н. Н. Пушкиной. 16 июля 1844 г. она вышла замуж за кавалергардского генерал-майора П. П. Ланского. После смерти Пушкина прошло семь лет. Перед смертью он сказал ей: «Отправляйся в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, только не за шалопая». Так вспоминала слова Пушкина В. Ф. Вяземская¹⁹. В передаче подруги Натальи Николаевны Е. А. Долгоруковой этот совет выглядит несколько иначе: «Носи по мне траур два или три года. Постарайся, чтоб забыли про тебя. Потом выходи опять замуж, но не за пустозвона»²⁰. Генерал Ланской не был «пустозвоном», и вдова поэта в замужестве обрела тихую пристань. Но молва не оставляла ее в покое. Генерал Ланской сделал хорошую карьеру. То, что в 1844 г. он стал командиром Кавалергардского полка, приписывали не его личным заслугам, а особому отношению царя к его жене. Легенда о связи Натальи Николаевны с царем опиралась на еще один эпизод, записанный в начале этого века В. Е. Якушкиным. В Московский исторический музей, как рассказывает Якушкин, пришел неизвестный человек и предложил купить у него золотые часы с вензелем Николая I. За часы он запросил 2000 рублей — сумму, по тем временам огромную, вызвавшую удивление сотрудников. Тогда он открыл вторую, секретную крышку часов, в которую был вделан миниатюрный портрет Натальи Николаевны. По словам владельца, часы принадлежали его деду, а дед служил камердинером у Николая I и, когда царь умер, взял эти часы, «чтобы не было неловкости в семье»²¹. Неизвестному было сказано, что о его предложении следует подумать, и было предложено зайти еще раз. Он ушел, и больше ни о нем, ни о часах ничего не известно. Д. Д. Благой высказал предположение, что «скорее всего часы были лжкой подделкой в расчете, что на такое сенсационное предложение клонут и сразу же — сгоряча — согласятся за любую цену их приобрести»²². Возможно, что пита-

¹⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 164.

²⁰ Рус. арх. 1908, Кн. 3. С. 295.

²¹ Якушкин В. Е. Часы Николая I // Московский пушкинист. М., 1930. Кн. 2. С. 267—268.

²² Благой Д. Д. Новые неустанные поиски. Новые ценные находки // Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина: Неизвестные письма. М., 1980. С. 16.

тельной средой для возникновения такой идеи с часами являлись воспоминания Араповой.

Миф о связи Натальи Николаевны с царем подхватил В. В. Вересаев. Рассказав в своей книге «Спутники Пушкина» об успешной карьере П. П. Ланского, он сделал такой вывод: «Все эти данные с большою вероятностью говорят за то, что у Николая завязались с Натальей Николаевной очень нежные отношения, результаты которых пришлось покрыть браком с покладистым Ланским»²³.

Опубликованная И. Ободовской и М. Дементьевым переписка Н. Н. Пушкиной и ее родных после смерти поэта опровергает домыслы о связи ее с царем. Мы узнаем, что встреча Ланского с вдовой поэта и их супружество состоялись не без участия родных. Брат Натальи Николаевны Иван Николаевич осенью 1843 г. провел в Баден-Бадене. Там же лечился и Ланской. Когда Ланской возвращался в Петербург, Иван Николаевич просил передать сестре посылку. Это послужило поводом для знакомства, и вскоре Ланской сделал вдове поэта предложение. В мае 1844 г. Александра Николаевна, которая все эти годы жила с сестрой, писала старшему брату Дмитрию: «Я начну свое письмо, дорогой Дмитрий, с того, чтобы сообщить тебе большую и радостную новость: Таша выходит замуж за генерала Ланского, командира Конногвардейского полка. Он уже не очень молод, но и не стар, ему лет 40. <...> у него благородное сердце и самые прекрасные достоинства. Его обожание Таши и интерес, который он выказывает к ее детям, являются большой гарантией их общего счастья»²⁴.

Мы видим, что уже ко времени женитьбы карьера Ланского была вполне успешной и ему нечего было «покрывать». Вдова поэта была с ним счастлива. У нас нет ее писем к Пушкину, однако есть ее письма к Ланскому, которые рисуют ее доброй, любящей женой и самоотверженной матерью. Но воспоминания о Пушкине оставались священными для нее, и можно думать, что сознание вины тоже не оставляло ее до конца дней. Современница вспоминает, что все годы после смерти поэта «один из дней недели, именно пятницу (день кончины Пушкина — пятница, 29 января) она предавалась печальным воспоминаниям и целый день ничего не ела»; в 1855 г. она познакомилась в Вятке с отбывавшим там ссылку М. Е. Салтыковым-Щедриним, приняла в нем большое участие и, пользуясь связями Ланского, добилась его освобождения, «как говорят, в память о покойном

²³ Вересаев В. Спутники Пушкина. Т. 1. С. 436.

²⁴ Ободовская И., Дементьев М.: 1) После смерти Пушкина. С. 129—130;

2) Наталья Николаевна Пушкина. М., 1985. С. 290.

своим муже, некогда бывшем в положении, подобном *Салтыкову*²⁵. Она была преданной матерью, и к ней тянулись не только свои дети, но и дети ее родных и друзей. Особенно отличала она Льва Павличева, про которого мужу писала: «Горячая голова, добрейшее сердце, вылитый Пушкин»²⁶.

Отметим, что домашнюю жизнь Пушкина и облик его жены исследователи воссоздают, главным образом на основании писем Пушкина к ней. После того как И. С. Тургенев опубликовал их²⁷, первый биограф Пушкина П. В. Анненков писал: «Письма Пушкина чаруют меня по-прежнему (<...> семейная мина Пушкина так же хороша, как поэтическая и жизненная вообще его мина: я имею слабость любоваться ею и, конечно, хотел бы, чтобы при сем удобном случае кто-нибудь из знающих поговорил о ней серьезно и умно»²⁸.

Надежды Анненкова не оправдались. Размышления о «семейной мине» Пушкина дали исследователям прежде всего повод для обличения его жены. Статьи такого рода появились сразу после публикации Тургенева. Критик В. М. Марков нашел, что эти письма — «крайне грустный» документ. Он усмотрел в них «полное отсутствие каких бы то ни было мыслей, интересов, возвышающихся над ежедневными мелочами самой дюжей домашней жизни»²⁹. Эта тенденция была продолжена при позднейших обращениях к письмам Пушкина. А. Ф. Кони, в юбилейной речи 1899 г., названной «Нравственный облик Пушкина», касаясь семейной жизни поэта, объявлял, что его «сознательный и обдуманый выбор был неудачен»³⁰. Затем В. В. Сиповский в статье «А. С. Пушкин по его письмам» развил тезис Кони, обратившись к характеристике Натальи Николаевны. Для него она «легкомысленная до жестокости, пустая, холодная женщина»³¹. Суровую характеристику Натальи Николаевны и утверждение о фатальной роли ее в жизни Пушкина Сиповский подтверждает ссылками на фальсифицированные записки А. О. Смирновой, которым вполне доверяет, хотя и признает, что в них *Dichtung* (художественный вымысел — нем.) порой превышает *Wahrheit* (действительность — нем.). Столь же суро-

²⁵ Воспоминания Л. Спасской цит. по статье: *Благой Д. Д.* Новые неустанные поиски. Новые ценные находки. С. 39—41.

²⁶ *Ободовская И., Деметьев М.* Наталья Николаевна Пушкина. С. 303.

²⁷ См.: *Вестн. Европы.* 1878. № 1. С. 7—46; № 3. С. 5—38.

²⁸ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 352—353.

²⁹ *Голос.* 1878. 9 февр.

³⁰ *Кони А. Ф.* Нравственный облик Пушкина//*Вестн. Европы.* 1899. Т. 5. № 10. С. 492—525.

³¹ См.: *Сиповский В. В.* А. С. Пушкин по его письмам//*Памяти Л. Н. Майкова.* СПб., 1902. С. 455—468.

вый приговор жене поэта, и опять же на основании его писем к ней, Сиповский повторяет в книге «Жизнь и творчество Пушкина». Окончательный его вывод таков: «Супруга поэта (<...>) пустая женщина, интересующаяся только московскими сплетнями, нуждающаяся в том, чтобы ее забавляли». Не видев писем самой Натальи Николаевны, он считает возможным утверждать, что «она (<...>) делилась с мужем тем, что было единственным интересом для ее убогой души»³².

Еще более ничтожный облик жены поэта выстраивает по письмам к ней Пушкина авторитетный пушкинист и историк П. Е. Щеголев. В его книге, посвященной дуэли и смерти Пушкина, читаем: «Если из писем Пушкина к жене устранить сообщения фактического, бытового характера, затем многочисленные фразы, выражающие его нежную заботливость о здоровье и материальном положении жены и семьи, и по содержанию остающегося материала попытаться осветить духовную жизнь Н. Н. Пушкиной, то придется свести эту жизнь к весьма узким границам, к области любовного чувства на низшей стадии развития, к переживаниям, вызванным проявлениями обожания ее красоты со стороны ее бесчисленных светских почитателей. При чтении писем Пушкина, с первого до последнего, ощущаешь атмосферу пошлого ухаживания. Воздухом этой атмосферы, раздражавшей поэта, дышала и жила его жена. При скудности духовной природы главное содержание внутренней жизни Натальи Николаевны давал светско-любовный романтизм. Пушкин беспрестанно упрекает и предостерегает жену от кокетничанья, а она все время делится с ним своими успехами в деле кокетства и беспрестанно подозревает Пушкина в изменах и ревнует его. И упреки в кокетстве, и изъявления ревности — неизбежный и досадный элемент переписки Пушкиных»³³.

Образ Натальи Николаевны, который создал в своей книге Щеголев, долгое время гипнотически действовал на авторов биографических и художественных произведений о Пушкине. Особенно беспощадно относились к Н. Н. Пушкиной женщины-поэты М. Цветаева и А. Амхатова. Для Цветаевой супруги Пушкины — «пара по силе, идущей в разные стороны (<...>) пара друг от друга». «Друг от друга» потому, что для жены «страсть к балам — то же, что пушкинская страсть к стихам: единственная возможность выявления (явиться — выявиться!)». «Зал и бал — ее естественная родина...», «А дома она зевала,

³² Сиповский В. В. Пушкин: Жизнь и творчество. СПб., 1907. С. 361, 367.

³³ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 53. О переписке Пушкина с женой см.: Левкович Я. Л. Письма Пушкина к жене//Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 87—106.

изнывала, даже плакала». Дома она была «богиней, превращающейся в куклу, возвращающейся в небытие»³⁴.

Цветаева писала свою статью о Гончаровой (для нее она и после замужества оставалась Гончаровой, Пушкиной она ее ни разу не называет) еще до появления «тагильской находки» — писем семейства Карамзиных к уехавшему за границу А. Н. Карамзину. Ахматова вынесла свой вердикт жене поэта уже после появления этой переписки. Она обрушивает на нее всю горечь за его гибель. Ахматову захлестывает гнев против всех, кто был рядом с Пушкиным и не спас его. Все семейство Карамзиных для нее дантесовская «веселая шайка», которая «была за Жоржа — белокурого остроумного котильонного принца», а Наталья Николаевна не меньше, чем «агентка» Геккерн, потому что «она одна могла пересказывать мужу увещевания посланника и новеллы о благородстве Дантеса»³⁵. Она же, по мнению Ахматовой, «снабдила мужа достаточным материалом для бешенства самого безудержного»³⁶. Так доверчивость и правдивость жены поэта расцениваются Ахматовой как предательство.

Под влиянием книги Щеголева пишет свою драму о Пушкине «Последние дни» (1940) и М. А. Булгаков. Он заимствует из нее не только сам образ Натальи Николаевны как пустой и бездушной светской дамы, но и некоторые сюжетные ходы. В книге Щеголева приводится «Рассказ князя А. В. Трубецкого об отношениях Пушкина к Дантесу». Простодушный князь поверил в рассказанную Дантесом и заимствованную у Боккаччо историю с обличительным поцелуем³⁷. Булгаков ввел этот эпизод в пьесу. Эффектная сцена была рассчитана на зрительский интерес, но унижала и жену поэта, и его самого.

При поверхностном чтении писем Пушкина к жене кажется, что Щеголев как будто бы прав: действительно, и светские успехи Натальи Николаевны, и ее многочисленные поклонники, и естественное для молодой женщины кокетство — все это интересует, задевает, волнует Пушкина. Волнует, но не раздражает. Пушкин гордится своей «красавицей». Он часто в разъездах и боится, чтобы его жена не сделала в свете ложного шага.

Идеал замужней женщины Пушкина — Татьяна Ларина. Уездная, потом «московская» барышня (как и жена поэта), Татьяна заняла достойное место в петербургских салонах.

³⁴ Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1967. С. 204, 206.

³⁵ Ахматова А. О Пушкине. М., 1977. С. 118.

³⁶ Там же. С. 123.

³⁷ В одной из новелл Боккаччо муж пачкает губы сажей, целует жену и оставляет ее в темноте с возлюбленным. Потом замечает, что губы возлюбленного испачканы сажей.

Татьяну — уездную барышню и Татьяну — светскую даму, какой увидел ее на балу Онегин, разделяют три года. Как менялась Татьяна, как происходила метаморфоза, поразившая Онегина, мы не знаем — в романе мы видим ее результат:

Она была нетороплива,
 Не холодна, не говорлива,
 Без взора наглого для всех,
 Без притязаний на успех,
 Без этих маленьких ужимок,
 Без подражательных затей...
 Все тихо, просто было в ней,
 Она казалась верный снимок
 Du comme il faut...

⟨ ⟩

Никто бы в ней найти не мог
 Того, что модой самовластной
 В высоком лондонском кругу
 Зовется vulgar...

(VI, 171, 172)

В письмах Пушкина — процесс. Об эталоне поведения светской дамы он говорит в письме к Наталье Николаевне словами из романа, переводя стихотворные строки в прозаический регистр: «Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышней, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgar*... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился; разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя» (30 октября 1833 г. — XV, 89). Щеголев прав: Пушкин действительно часто предостерегает жену от кокетства. Почему? Объяснение этому мы находим в его дневнике. 14 апреля 1834 г. Пушкин записывает: «Ропщут на двух дам, выбранных для будущего бала в представительницы п⟨етер⟩б⟨ургско⟩го дворянства: княгиню К. Ф. Долгоруку и гр⟨афиню⟩ Шувалову. Первая наложница кн. Потемкина и любовница всех итальянских кастратов, а вторая — кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная; надобно признаться, что мы в благопристойности общественной не очень тверды» (XII, 326). Именно как признак неблагопристойности общественной упоминается кокетство и в письмах к жене: «Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона» (30 октября 1830 г. — XV, 88). «Дурной тон» — вот чего больше всего боится Пушкин. Однако он понимает, что молодость и красота берут свое («...будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна» — 14 июля 1834 г. — XV, 181), и гордится успехами жены («Кто же еще

за тобой ухаживает кроме Огорева? пришли мне список по азбучному порядку» — 21 октября 1833 г. — XV, 87). Отметим, что все упреки в кокетстве, все опасения, что жена может сделать ложный шаг в свете, относятся к первым двум годам их совместной жизни. Потом эти темы из писем Пушкина уходят. Поведение жены в свете уже не волнует поэта. Она стала опытной, научилась увереннее держаться, вполне могла обходиться без «подражательных затей», и, как в пушкинской героине, «все просто, тихо было в ней». Все так — до катастрофы.

Долго не было в поле зрения исследователей писем самой Натальи Николаевны. Только в 1971 г. мы услышали голос жены поэта, и это поколебало ставшие уже почти привычными представления об облике этой женщины. Был найден большой массив писем ее к брату Дмитрию, писанных в то время, когда она была женой Пушкина, а вслед за этим были опубликованы и письма ее ко второму мужу П. П. Ланскому³⁸. Письма к брату изменили устойчивое мнение о жене поэта как о пустой светской красавице, далекой от интересов и забот мужа, и раскрыли новые, неожиданные стороны ее характера: душевную щедрость, отзывчивость и одновременно практичность. Мы узнаем, что Наталья Николаевна выполняет деловые поручения мужа по изданию «Современника», использует светские связи, чтобы помочь брату. Через все ее письма проходит один лейтмотив — недостаток средств (вспомним так часто повторяющееся в письмах к ней пушкинское «чем нам жить будет?»). Одно из писем (июль 1836 г.) раскрывает психологическое состояние поэта в тот период: «Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна»³⁹. Пять месяцев отделяет это письмо от анонимного пасквиля и первого вызова на дуэль, душевное состояние поэта еще скрыто от друзей, и Софья Карамзина, не найдя во втором томе «Современника» «ни одной строчки Пушкина», называет поэта «беззаботным и ленивым»⁴⁰. Письмо жены объясняет, почему он не может отдаться творчеству. По-видимому, в ответном письме Д. Н. Гон-

³⁸ См.: Ободовская И., Дементьев М. 1) Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной/Пер. с франц. И. Ободовской//Лит. Россия. 1971. 23 апр.; 2) Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1975; 3) После смерти Пушкина: Неизвестные письма. М., 1980; 4) Наталья Николаевна Пушкина. М., 1985.

³⁹ Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. С. 175—176.

⁴⁰ Пушкин в письмах Карамзиных. С. 81.

чаров советует семье поэта переехать в деревню, так как в следующем письме Наталья Николаевна пишет: «Что касается советов, что ты мне даешь, то еще в прошлом году у моего мужа было такое намерение, но он не мог его осуществить, так как не смог получить отпуск»⁴¹. Имеются свидетельства родных поэта, что жена его решительно противилась отъезду из Петербурга. Но здесь нет собственного отношения к советам покинуть Петербург — только констатация внешних обстоятельств, нет и противоречия желаниям мужа. Как обстояло дело в действительности, мы не знаем. Разъяснить истинное отношение Натальи Николаевны к отставке мужа могли бы, конечно, ее письма к нему. Основная тема писем к брату — денежные заботы — определена его положением главы семьи Гончаровых. Естественно, что письма к мужу раскрыли бы совсем другие стороны ее характера, суждения о свете и светских связях, отношение к тем советам и предостережениям, которыми наполнены письма Пушкина. Щеголев писал, что письма ее находятся в Румянцевском музее. Надежда ученого не сбылась — этих писем там нет и не было⁴². На основе писем к брату создается новый миф о жене поэта. Но теперь исследователи впадают в другую крайность, видя в ней прежде всего заботливую жену и мать, забывая, что она была украшением петербургских салонов и что Пушкин гордился этим. «Гуляй, женка; только не загуливайся и меня не забывай» (XV, 89), — просил он жену и радовался, что она «блистает» в свете, как прилично в ее лета и с ее красотой.

Облик заботливой жены и матери создается, главным образом, по ее письмам к П. П. Ланскому, за которого она вышла замуж в тридцать два года и от которого родила еще троих детей. Со спокойным, уравновешенным Ланским она нашла свое счастье. «Благодарю тебя за заботы и любовь, — писала она ему. — Целой жизни, полной преданности и любви, не хватило бы, чтобы их оплатить. В самом деле, когда я иногда подумаю о том тяжелом бремени, что я принесла тебе в приданое, и что я никогда не слышала от тебя не только жалобы, но что ты хочешь в этом найти еще и счастье, — моя благодарность за такое самоотвержение еще больше возрастает, я могу только тобою восхищаться и тебя благословлять»⁴³.

⁴¹ Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. С. 177.

⁴² См.: Житомирская С. В. К истории писем Н. Н. Пушкиной//Прометей. М., 1971. Т. 8. С. 148—165. Ср.: Левкович Я. Л. Письма Пушкина к жене. С. 105—106.

⁴³ Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина. С. 293.

Но читая письма ко второму мужу, написанные через четырнадцать лет после первого замужества, мы должны помнить, что пишет их уже зрелая женщина, много страдавшая и много пережившая. Теперь ей уже в тягость и светские успехи, и поклонники ее красоты. Да, она стала домоседкой, любила мужа и детей, оценила покой. Именно стала, а не была домоседкой всегда. Однако исследователи часто переносят в прошлое облик женщины, пережившей трагедию и обретшей тихое семейное счастье. «Исключительная любовь к детям, — читаем мы у Д. Д. Благого, — постоянная потребность материнства — со всеми его не только радостями, но и огорчениями, тревогами, заботами — были характернейшей чертой ее натуры, тоже отличающей ее от большинства представительниц великосветского общества»⁴⁴. В «домоседки», которая «знает цену свету», зачисляет Наталью Николаевну и другой исследователь⁴⁵.

Все это пишется так, как будто не существует пушкинских писем с беспокойством о затянувшейся масленице, в результате которой жена его до того «доплясалась», что выкинула, как будто мы не знаем его горько-шутливого признания:

Не дай бог хорошей жены,
Хорошу жену часто в пир зовут.

(XV, 33)

Говоря об облике жены поэта, мы вступаем в сложную область семейных отношений Пушкина. Наталья Николаевна старалась быть и была хорошей женой — но лишь до тех пор, пока на пути ее не встретился Дантес. Перед женитьбой Пушкин писал будущей теще: «Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца» (XIV, 404).

Пушкин предвидел свою участь: появилась «привычка», была «привязанность», а «спокойное безразличие сердца» нарушил Дантес.

Сколько бы ни стремились исследователи вывести гибель Пушкина за рамки семейных отношений, игнорировать эти отношения нельзя. Была «московская барышня» с провинциальной застенчивостью, была женщина с отзывчивой душой и верная жена, но были и вспыхнувшая влюбленность в «котильонного принца», и ревность Пушкина, и подлость Геккернов, и дуэль, стоившая жизни поэту.

⁴⁴ Благой Д. Д. Новые неустанные поиски. Новые ценные находки. С. 37.

⁴⁵ Кулешов В. И. Жена поэта//Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина. С. 9.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПУШКИНЕ

Санкт-Петербург
ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"
1995